

Немного по-другому

Сэнди
Холл

trend
LOVE

14 точек зрения
на одну историю
любви

18+

Сэнди Холл
Немножко по-другому
Серия «TrendLove»

pdf

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44781255

Немножко по-другому: Издательство АСТ; Москва; 2019

ISBN 978-5-17-115700-5

Аннотация

Лия и Гейб ходят на один курс писательского мастерства. Они узнают одинаковые отсылки к поп-культуре, заказывают одну и ту же китайскую еду и заходят в одних и тех же местах. Но, как это часто бывает, Лия слишком неприступна, а Гейб слишком застенчив, чтобы у них что-то могло получиться.

Для всех вокруг очевидно, что эти ребята созданы друг для друга. Друзья, однокурсники и случайные знакомые следят за развитием их отношений, как за любимым сериалом, и делают все возможное, чтобы свести их вместе. Вот только и у Гейба, и у Лии, кажется, совсем другие планы...

Содержание

Сентябрь	6
Октябрь	35
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Сэнди Холл

Немножко по-другому

Sandy Hall

A LITTLE SOMETHING DIFFERENT

Печатается с разрешения издательства Swoon Reads, an imprint of Feiwel & Friends and Macmillan Publishing Group, LLC и литературного агентства Nova Littera SIA.

Серия «TrendLove»

© 2014 by Sandy Hall

© Л. Бородина, перевод на русский язык, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

*Посвящается давно ушедшим дням,
проведенным в библиотеке Хоторна с мамой, тетей
Джуд, Мэттом, Викки и Шоном.*

Сентябрь

Марибел (соседка Лии по комнате)

– Я достану нам фальшивые удостоверения, – говорю я Лии, когда мы идем на занятия в первый день учебы.

– Что? Это же незаконно! – отвечает она.

Ее реакция меня не удивляет, хоть мы и живем в одной комнате всего четыре дня. Мне кажется, первые дни студенчества связывают людские судьбы, потому что у меня такое чувство, будто я знала Лию всегда.

Мне уже понятно, что она – отличная соседка. Она опрятная, вежливая, тихая, но при этом не зануда.

– Забудь о том, что это незаконно, – говорю. – Считай, что помогаешь местному бизнесу.

– У тебя извращенный взгляд на мир, Марибел.

– Будет весело! – продолжаю я, поднимая руки. За всю жизнь я выпивала всего дважды: один раз на свадьбе у сестры, и второй – на выпускном, но все равно знаю, что пить прикольно.

– Да я, вообще-то, не пью! – восклицает она, тоже вскидывая руки. Только теперь она смеется.

– А хочешь? – спрашиваю.

– Может быть.

– Я о том, что...

Я осекаюсь. Мы выходим на огромный зеленый луг, где расположена половина всех академических корпусов. Хочется на минутку остановиться и осознать, что я теперь – самая настоящая студентка.

– Наконец-то мы здесь, – говорю, окидывая взглядом университет. Лия в ответ улыбается.

– Да, надо как следует насладиться моментом... На какую пару идешь? – спрашивает она, в достаточной мере насладившись этим самым моментом.

– На историю Европы, часть вторую, – отвечаю, стараясь, чтобы голос звучал максимально сдержанно.

– Смотри, нахватаешься там спойлеров, и потом, если решишься прослушать первую часть, будет уже неинтересно.

– Буду иметь в виду. А ты куда идешь?

– На писательское мастерство.

– Как у тебя получилось попасть на такой крутой и продвинутый курс, как писательское мастерство? – спрашиваю я, пока мы подходим к ступенькам корпуса для занятий английским языком. Она поворачивается ко мне и секунду идет спиной вперед, но тут же натывается на симпатичного парня.

– Господи, – тоненьким голосом восклицает Лия, опускаясь на колени, чтобы помочь ему собрать вещи. – Прости, пожалуйста.

– Ничего, – отвечает он. Парень весьма мил, но кажется таким неуклюжим, пытаюсь собрать все упавшие книги сра-

зу.

– Точно? – спрашивает Лия.

Он кивает, не глядя на нее.

– Не хочу опоздать на пару в первый же день, – говорит она, бросая взгляд на меня, а потом снова на него.

Парень приседает, сгребает вещи в рюкзак.

Наконец он поднимает взгляд и неуверенно улыбается.

– Все нормально.

– Ну, раз нормально, то ладно, – говорит Лия. – Еще увидимся, Мар.

Я киваю и иду к себе в класс. Я только что стала свидетельницей первого милого студенческого знакомства. Кажется, такие здесь происходят сплошь и рядом.

Инга (преподаватель писательского мастерства)

Почему-то все всегда думают, что первый день учебы будет бодряще осенним, хотя на деле зачастую жарко и солнце палит как тысяча грилей фирмы Джорджа Формана.

Я стою перед новоиспеченными студентами, пришедшими на курс по писательскому мастерству, и оглядываю аудиторию, стараясь не вспотеть в тончайшей блузке. Выходя из дома утром, я спросила Пэм, как ей мой наряд. Она сообщила, что я будто сошла со страниц книги «Распутный домик в прериях». Понятия не имею, что это за домик, но все равно осталась довольна, что такой образ получился у меня сам собой.

Прыжком усаживаюсь на стол, следя, чтобы мини-юбка в стиле Лоры Инглз не задралась неприлично высоко, и наклоняюсь проверить время на телефоне. Дам им фору минуты в четыре. Сегодня первый день. Большинство студентов – старшекурсники, но вряд ли даже они бывали в этом закоулке нижнего яруса подвала. Клянусь, мы ниже уровня моря, я бы даже сказала, в самых глубинах ада, если бы не кондиционер.

Девятнадцать мест занято, а в списке двадцать семь ребят. Остается лишь надеяться, что лекцию пропустит нечетное их число. Ненавижу, когда на писательском мастерстве нечетное количество студентов: система летит к чертям, когда надо разбиться на пары.

Дверь открывается, и заходит мой ассистент.

– Привет, Коул, – говорю.

– Привет, Инга. Ну, что тут у нас? «Двадцать тысяч лье под водой»? – спрашивает он, смущенно обводя рукой аудиторию.

– И не говори. Придется каждый раз оставлять след из пивных орешков к моему кабинету.

– Почему из пивных?

– Если уж раскидываться едой, то такой, которую не любишь. Хорошие орехи я бы переводить не стала.

Дверь снова отворяется, и заходит студент номер двадцать. Он явно выбился из сил, запыхался, но, увидев, что мы с Коулом на него смотрим, застенчиво улыбается. Садит-

ся сбоку, ближе к двери, рядом с сердитым парнем и девушкой, на вид младше и беспокойнее остальных. Студент номер двадцать на мгновение встречается взглядом с девушкой, они оба краснеют и отворачиваются друг от друга.

Я снова бросаю взгляд на часы и откашливаюсь. Начинать у меня получается из рук вон плохо. Я преподаю этот свой курс уже десять лет, но каждый семестр запинаясь на этапе знакомства. Вечно строю из себя крутую. Мне тридцать шесть, что и кому я пытаюсь доказать?

– Эй, эй, эй! – начинаю я и мысленно издаю стон. Надо реже смотреть повторы «Толстяка Альберта». Я хлопаю в ладоши: – Давайте начнем.

В этом семестре я хотя бы опустила слово «вечеринка». Однажды я начала с того, что сказала «Давайте начнем вечеринку», а закончила вступительную речь тирадой о том, что писательство – это как вечеринка: весело, но нет пива и вряд ли можно потанцевать.

Студенты внимательно на меня смотрят – все, кроме сердитого парнишки. Он чешет ухо и закатывает глаза. Видно, он не поклонник «Толстяка Альберта».

– Я – Инга Майерсон, а это – Коул... мой ассистент.

Фамилия Коула вылетела из головы, и я одними губами говорю ему «извини». Он пожимает плечами и улыбается.

– Если вы забрались в дебри Нарнии по ошибке, сообщая: мы на курсе писательского мастерства.

Я начинаю обычную речь по предмету и попутно раздаю

программу курса. Поставив процесс на автопилот, по ходу присматриваюсь к двум студентам, которых хочу в этом семестре видеть вместе. У меня к этому странный талант. Все началось, когда я работала ассистентом любимого профессора в магистратуре. Ей нравилось думать о студентах как о рассказах, которые она писала в голове, пока знакомилась с группами. Я пошла дальше, и рассказы превратились в любовные романы.

Как-то в конце девяностых я выбрала на семинаре пару молодых людей. Теперь они счастливо женаты, у них двое детишек. Они – моя самая удачная пара, но почти каждый семестр я замечаю новые парочки и как минимум потворствую флирту в классе.

– Сейчас сверюсь со списком, чтобы узнать вас по именам. На занятиях нам придется близко знакомиться, поэтому надеюсь, что никто не против. Нам с вами не стать писателями, если мы не узнаем друг дружку хоть на толику.

Злого паренька зовут Виктор. Запомню.

Нервную девочку – Азалия, но она быстро говорит: «Можно просто Лия» – после чего чуточку успокаивается.

Паренек, который зашел последним, – Гейб. Он спокойный, мне это нравится. У него такая осанка, что так и хочется попросить его выпрямиться, но у него наверняка есть мама, которой нравится говорить ему это.

Среди моих студентов есть девушка Хиллари, которая полностью соответствует моим представлениям об этом име-

ни. По крайней мере, именно такими я представляла себе всех Хиллари, пока на сцене не появилась Хиллари Клинтон и не разрушила былые предрассудки относительно девушек с именем Хиллари. Например, встряхивать волосами и разговаривать с акцентом округа Вэлли. Когда нынешняя Хиллари встряхивает копной волос, мы словно возвращаемся лет на двадцать назад.

Кроме них, конечно, здесь есть и другие ребята, но эти четверо выделяются больше остальных.

Окончив переключку, возвращаюсь к занятиям.

– У меня есть одна теория, – говорю.

– Что это демон, – говорит Лия так тихо, что я едва не пропускаю ее фразу мимо ушей и пропустила бы, если бы она испуганно не прикрыла рот ладонью. Вижу, как Гейб поворачивает голову в ее сторону и улыбается.

– Танцующий демон? – негромко уточняет он.

Тут я со своим любимым выражением лица, как у Руперта Жилия, говорю:

– Нет, тут что-то не так.

Кажется, шутку никто, кроме нас, не понял, но именно в этот момент я осознаю, что моей парой в этом семестре будут Гейб и Лия.

Быстрый обмен взглядами – это хорошо, но они поняли мою произвольную отсылку к *«Баффи – истребительнице вампиров»*. Кажется, это мои родственные души. И еще мне радостно, что нынешние дети до сих пор смотрят *«Баффи»*.

Теперь надо решить, как устроить их отношения.

Надеюсь, Коул мне подыграет. Раньше у меня бывали ассистенты, которые портили мне все веселье. Я гляжу на него: он как раз вскинул руки ладонями вверх и потряхивает ими, будто в джазовом танце. И понимаю, что мы на одной волне.

Скамейка (на лужайке)

Я – самая старая скамейка на этой лужайке, а уважения ко мне никакого.

Надо сказать, в моей работе есть свои плюсы. Время от времени. Иногда на меня нет-нет, да и присядет идеальный зад, однако не все они одинаковы.

Тот, что сейчас сидит на мне, вызывает уважение: такой зад я бы пригласила еще раз, если бы могла говорить. Лучше всего то, что он, по всей видимости, прикреплен к человеку, которому, кроме как посидеть, больше ничего не нужно. Ни болтать, ни ерзать, ни рисовать граффити или клеить жвачку. С таким можно свыкнуться.

– Гейб, – произносит голос рядом с ним. Эти ягодицы мне уже не нравятся. Их хозяин нарушил такую приятную тишину.

– Сэм, – отзывается обладатель хорошего зада.

– Ты заметил, что сидишь в миллиметре от птичьего помета?

– Ты за этим сюда пришел?

– Нет. Мама дала денег купить тебе обед в первый день

учебы. Она волнуется, что ты мало ешь.

– С чего бы ей волноваться?

Представляю себе, как за этими словами следует многозначительный взгляд, которого, кажется, хватило, чтобы заставить лучший зад в моей жизни встать и уйти.

Сэм (брат Гейба)

– Ну как тебе первый день? – спрашиваю я.

Брат пожимает плечами. Он всегда неразговорчив, но последние девять месяцев будто совсем лишился дара речи.

– Я серьезно, скажи, что ответить маме, она ведь не поверит, что я отвел тебя обедать. Подумает, что я зажал деньги и купил себе пиво.

– Сфоткай, как я ем, – бормочет он.

– Хоть расскажи, как прошел день. – Я тяну его за руку, чтобы он остановился и посмотрел на меня. – Как старший брат я имею право заставить тебя говорить.

Он вздыхает:

– Ладно, скажи, что я устал сильнее, чем ожидал. Такое бывает, когда проводишь девять месяцев на диване. А в остальном все очень, очень хорошо.

– Ты устал? – стараюсь завязать разговор. Гейб ни с кем не делится. Он все держит в себе. И вдруг этот бука толкает меня в плечо. – Ай!

– А что она сама не спросит?

– Потому что думает: ты ей врешь.

– Ну и ладно. Зачем мы вообще это обсуждаем?

Мы уже собираемся уйти с лужайки, как нам машет девушка со скамейки, Гейбу и мне. Скорее всего, Гейбу, потому что я ее раньше не видел. Он машет в ответ: видно, и правда ему.

– Кто это?

– Да так, одна девчонка, – отвечает он.

– Давай пригласим ее на обед! Все равно она сидит просто так.

Я уже иду к ней, но он хватается меня за рюкзак и разворачивает:

– Не надо.

– У тебя не будет девушки, если каждую будешь так игнорить.

– Я ее не игнорил.

– Кажется, она болтает с белочкой.

– Она... не от мира сего.

– Откуда ты ее знаешь?

– Она ходит со мной на курсы писательского мастерства.

– А-а-а, великолепно. Как тебе предмет?

На этот вопрос он улыбается.

– На самом деле хорошо. Только я чуть не опоздал: не знал, что в корпусе английского языка двухуровневый подвал.

– А, так это было на втором уровне подвала. Да, я там бывал. О нем ходят легенды, но лишь некоторым довелось

пережить нечто подобное на собственной шкуре. Я слышал о клане русалок, которые живут в туалете.

Удивительно: Гейб звонко смеется. Шутка так себе, но он последнее время редко хохочет. Ходит сам не свой. Я пытаюсь втолковать это маме, вот только вряд ли она поняла. Мне кажется, она решила сама больше прикладывать усилий, но суть в том, что она здесь не помощник. Гейб должен справиться сам.

– В общем, профессор крутая, остальные ребята тоже нормальные. Все не так плохо.

Мы подходим к столовой. Я стараюсь добиться нового проявления эмоций, хотя знаю, что он этого не любит:

– Ты ведь знаешь, что можешь поговорить со мной об этом в любой момент.

Он закатывает глаза.

– Знаю, правда знаю.

Белка!

Я замечаю, как девочка ест арахис. Люблю орешки. Орешки, орешки, орешки. Желуди!

Я прыгаю по травке, веду себя мило и надеюсь, что мне повезет стащить упавший орешек. Что упало – то пропало.

Она глядит на меня и улыбается. Свезло! Ура!

Она нарочно роняет на землю арахис, и я его начинаю грызть. Потом она кидает еще один орешек на скамейку рядом с собой. Это что, ловушка?

Я не спеша уминаю первый, наблюдая за ней и пытаюсь разглядеть, нет ли у нее клетки или коричневого пакета: вдруг она хочет меня поймать.

Кажется, горизонт чист. Я запрыгиваю на скамейку.

Она смотрит на двух парней, уходящих по лужайке.

– Как думаешь, это братья? – спрашивает она. – Глаза у них одинаковые и носы, кажется, тоже. Отсюда сложно разглядеть.

Я выпрямляюсь. Она обращается ко мне. Со мною раньше никто не заговаривал. Как бы хотелось знать человеческую речь, чтобы ей ответить.

Но вместо ответа я грызу орешек.

Виктор (сокурсник по писательскому мастерству)

Ненавижу этот предмет. Прошла всего неделя семестра, а я уже готов его проклинать.

Ненавижу тупые шутки профессора, ненавижу аудиторию и студентов в ней, а особенно – двух идиотов, которые садятся возле меня каждую долбаную пару. Из-за них мне охота выколоть себе глаза механическим карандашом.

Делаю пару глубоких вдохов. Надо успокоиться и пережить семестр. Только этот предмет вписывается в мое расписание, он нужен для окончания колледжа. Не хочу потом, в следующем семестре, брать литературу, когда придется сосредоточить силы на моей офигенной стажировке.

Серьезно, я-то думал, что все самые отвратные люди со-

брались на моем профильном предмете – парни с информатики порой так бесят. Но нет, литераторы – самые дурацкие ублюдки по эту сторону Миссисипи. Они считают себя глубокими, значительными личностями. Ну да, как же.

И если чувак сзади пнет мой стул еще раз, я не знаю, что сделаю. Физически я, вероятно, с ним не справлюсь, зато точно унижу в словесной схватке.

Пока я это обдумываю, он пинает стул снова, и я поворачиваюсь, чтобы убить его взглядом. Он выпрямляется, убирал длинные ноги в проход и начинает докапываться до девчонки рядом с ним. По крайней мере, до ее сумки: он случайно задевает ее ногой, и все содержимое вываливается к чертям.

Я не удивлен. У него большущий размер ступни. Мне кажется, его ноги прекрасно сочетаются с ее ненормально длинной шеей.

Он считает, что вещи лучше собирать, если сгибать при этом локти? Он как чудовище Франкенштейна: движения дерганные, а суставы неподвижны.

Я вполуха слушаю, как Йети невнятными звуками пытается извиниться, а Жирафиха пищит, что все в порядке.

Как же я их обоих ненавижу.

Сколько там еще до окончания семестра?

Боб (водитель автобуса)

Каждый день в автобусе ездят сотни ребят. Некоторые –

настоящие симпатяги, попадаются полные засранцы, бывают и просто обычные. Одни шумные по-хорошему, другие – по-плохому. Всегда найдется парочка таких, которые выделяются на общем фоне. Иногда из-за яркой внешности, а иногда просто из-за вопроса логистики: они вечно сходят на странных остановках. Моя жена Марджи любит слушать обо всех них.

В последнее время я часто ей рассказывал о двух ребятах, парнишке и девушке. Они чем-то отличаются от остальных.

Я обратил внимание на парня из-за его привычки неуклюже держаться за поручень. Странно, что я знаю, как держаться правильно, а парнишка совсем не умеет. Он такой неуклюжий, ему будто больно за него держаться. Так и тянет научить его стоять, чтобы не было за него так страшно.

А потом, через пару дней, я понял: он так делает, чтобы изредка вторгаться в личное пространство девочки, даже когда автобус почти пуст. Но он никогда не подходит настолько близко, чтобы сесть с ней рядом, как будто ему нравится за нею наблюдать.

С девчонкой совсем другая история. Я всегда подмечаю тех, кто читает книгу в автобусе. Сам я не могу читать, пока сижу в движущейся машине или автобусе. Меня начинает укачивать.

Но она читает постоянно. А он всегда держится так, будто от поручня болит рука. А я сижу на своем месте и думаю о них.

Я торможу на следующей остановке. Они сходят вместе, хотя совсем друг с другом не разговаривают. Оба меня благодарят, а это редкость. Мне от этого радостно, хочется думать, что они заговорят друг с другом, но, наверно, мне не под силу управлять такими событиями.

Я наблюдаю, как они идут вдвоем, потом их пути расходятся: она идет к общежитиям, а он сворачивает в сторону студенческого центра. И тут меня окликает маленький дьяволенок: «Мы едем или как?»

Бывают же такие заразы среди детишек.

Кейси (друг Гейба)

Я уже почти дремлю, когда в дверь спальни кто-то стучит. Клянусь Богом, если это снова новенький из комнаты за кухней, я на нем сорвусь. Я ведь ничего не делаю, просто сплю, топать я никак не мог. А его послушать, так над ним словно лось живет или что-то вроде того.

Я свешиваю ноги с кровати и подтягиваюсь ближе к краю. Надо сказать, плюс маленькой комнаты – это возможность открывать дверь, не вставая с постели. За дверью стоит Гейб. Он смотрит прямо перед собой и делает озадаченное лицо, когда видит, что в дверном проеме перед ним никого нет.

– Привет! – говорю, садясь прямо и открывая дверь шире. Он опускает голову и улыбается.

– Не мог понять, как открылась дверь, – говорит он, сбрасывая с плеч рюкзак и подвигая компьютерное кресло. – Ду-

мал, ты ее чем-то оснастил.

– Я не из таких инженеров, – отвечаю.

– Что нового? – спрашивает он.

– Ничего особенного. Прилег поспать.

– Вот блин. Прости, надо было сначала написать. Пойду, – говорит он и встает. Такой уж Гейб человек. Он так боится наступить кому-нибудь на ногу, что даже не замечает, если человек сам этого хочет. Я, конечно, не хочу, чтобы мне в буквальном смысле наступали на ногу. Просто хочу сказать, что мне нравится проводить время с Гейбом, даже если он мешает мне спать.

– Нет, садись.

Он повинует, потому что таков уж он. Когда я впервые встретил его на первом курсе, – а тогда я уже пару месяцев жил в одной комнате с его братом Сэмом, – меня поразило, насколько они разные. Гейб приезжал к нам на выходные, чтобы выбрать колледж, и я не ожидал, что Гейб окажется совсем не таким, как Сэм.

Там, где Сэм кричит и ведет себя чуть ли не бесстыдно, Гейб держится спокойно и саркастично. Но при всем его тихом характере без него здесь было скучно. Я ему об этом говорил каждый раз, когда ходил его навещать в прошлом году.

Он грызет ноготь большого пальца.

– Как дела? – спрашиваю, прислоняясь к стенке у кровати.

– Вполне себе хорошо. Я только что с пары по писательскому мастерству. Там есть девушка, которая полностью...

завладела моим вниманием.

Он улыбается.

– Круто, но ты же знаешь, что я спрашивал не об этом.

Знаю, что он сам расскажет все, когда и если захочет, но частенько ему напоминаю, что я рядом и жду, когда он будет готов.

– Нет, но я хочу поговорить именно об этом, – отвечает он.

– Ладно, зато честно, – говорю. – Расскажи мне об этой цыпочке.

– Она тебе не «цыпочка».

– Ну, об этой юбке, доске, бабе.

– Ты в курсе, какой ты отвратительный?

– В курсе.

– Просто она со мной в одной группе, она классная, и я думаю, что надо бы с ней заговорить. На парах она всегда ведет себя спокойно. Один раз я перевернул ее рюкзак и вместо косого взгляда получил улыбку, она сказала, что все нормально.

– Как ее зовут?

– Лия.

Странно. Мы с Гейбом обычно не болтаем о девчонках. Или я болтаю, а он кивает, слушает и отчитывает меня за то, как паршиво я обхожусь с девушками. Я даже считал его асексуальным, но потом понял, что он настолько застенчив, что не знает, как себя с ними вести, и поэтому просто не

обращает на них внимания.

– Ты с ней заговоришь?

– А с чего ты решил, что я с ней не говорил? Вдруг она меня ждет на улице в тюнингованном «ламборгини» и мы с ней уедем в закат.

Я поднимаю бровь, глядя на него.

– Ты бы не купил «ламборгини». Да и вообще, кто сейчас ездит на «ламборгини»?

– Ладно, подловил, – говорит он, поднимая руки, словно защищаясь. – Я с ней не разговаривал. Почти. Просто пробормотал «прости», когда пнул сумку, но разговора как такового не было.

– Тогда надо поговорить.

– Наверно. А еще можно любоваться ею на расстоянии, выдумывать в голове истории и притворяться, будто мы встречаемся.

– В смысле, преследовать?

– Называй это как хочешь, – отвечает он с серьезным выражением лица.

– Послушай, я не строю из себя большого брата, – начинаю я.

– Кстати, будь добр, не разболтай об этом моему «большому брату», – говорит он, изображая пальцами кавычки. – Я пока не хочу обсуждать это с Сэмом. Он же меня засмеет. Или того хуже: расскажет маме – и она тут же бросится выбирать украшения из цветов на свадьбу.

– Ладно, но это будет трудно, учитывая, что мы с ним живем в одной комнате.

Гейб пристально глядит на пустую кровать Сэма.

– Он ведь еще не скоро придет, да?

– Не-а, он, кажется, работает.

– Ладно, какой там у тебя братский совет?

– Она должна знать, что ты существуешь и что она тебе нравится. А если ничего с ней не хочешь, тогда неважно. Но ходить за ней по пятам не надо.

– Разумный совет. Спасибо, – говорит он и меняет тему.

Максин (официантка)

Меня постоянно спрашивают: «Максин, почему ты до сих пор работаешь официанткой в столовой, хотя тебе уже за семьдесят?» Я отвечаю, что работа помогает оставаться молодой. Одного им не говорю: что мне уже восемьдесят. Когда работаешь в студенческом городке, ребята приходят в столовую в любое время, вечно голодные, всегда говорят: «Привет, Максин!» Такое чувство, что у меня миллион внуков и при этом никаких семейных неурядиц.

Сегодня приятный, тихий вечер пятницы, конец сентября. Первый месяц учебы всегда пролетает быстро. Людей в столовой обычно много, они постоянно заходят и выходят. Но сегодня тихо.

В одной кабинке сидит компания девочек, в другой – группа мальчиков. Я знаю некоторых, в основном ребят. Они

из одной бейсбольной команды, иногда шумят, но все хорошие, с приятными манерами. С такими девчонки не прочь пообщаться.

Может быть, в следующий раз случайно посажу их всех вместе. Я так уже делала, и это всегда срабатывало. Только моему боссу это не очень нравится. Говорит, мне нельзя так шутить с людьми, играть со столами. А я отвечаю ему: «Тю! Это ведь не Букингемский дворец!»

Обе компании вежливые, и это согревает мое холодное сердечко. Столько «пожалуйста» и «спасибо». Даже пару раз прозвучало «мэм», чего в наши дни почти не услышишь. В мои времена оно звучало повсеместно. Я в себе вымуштровала такую привычку.

Но я отвлеклась.

Я заметила двух милашек: они друг на дружку глядят круглыми глазами, когда думают, что никто на них не смотрит. Как только один из них замечает взгляд другого, то оба отводят глаза.

Это так прелестно, что не знаю, куда себя деть. Поэтому несу им бесплатный пирог и надеюсь, что этого достаточно, чтобы они снова сюда пришли.

Да, в самом деле надеюсь, что они скоро вернутся.

Дэнни (друг Лии)

– Как дела, цветочек? – спрашиваю, подходя к Лии из-за спины и хлопая ее по пятой точке.

– Дэнни! – вскрикивает она, оборачивается и обнимает меня долго и крепко. – Я ужасно по тебе скучала.

– Почему мы встречаемся всего раз в несколько недель?

– Сама не знаю.

Мы присаживаемся на ближайшую скамейку, стараясь не угодить в сухой птичий помет. Мы договорились пообедать со школьными друзьями, но до встречи еще есть время. Мы с Лией раньше часто ходили в театр, и я обрадовался, когда услышал, что она поступает в тот же университет, что и я. С момента окончания школы мы с ней виделись всего несколько раз, но мне всегда приятно, если выдается минутка поболтать ней.

– Ну, как жизнь?

– Хорошо, – отвечает она и широко улыбается.

– Выглядишь на восемьдесят пять миллионов долларов, – говорю я ей.

– В этом старье? – спрашивает она, приподнимая пальцами кардиган, который купила со мной на суперраспродаже в «Олд Нэви» прошлой зимой. Я смеюсь. – А ты как? Как тебе жизнь старшекурсника? – спрашивает она.

– Хорошо. Не знаю, будет ли третий курс отличаться от остальных. Сама знаешь, новый семестр, новые предметы и прочая ерунда, – говорю, блуждая взглядом по сторонам, и вскрикиваю, хватая ее за руку: – Боже мой!

– Что такое? Жук? Крыса? Таракан?

– Нет, – шепчу, наклоняясь к ней, – парень моей мечты.

Я беру ее голову и поворачиваю в нужном направлении.

– Гейб Кабрера – парень твоей мечты? – спрашивает она.

– Еще какой. Он потрясающий. Моя соседка по общежитию жила на первом курсе на одном этаже с ним, иногда мы бываем на общих собраниях. Однажды он даже со мной флиртовал, – хваюсь я.

– Надо же.

– Он такой очаровательный. Из тех парней, которые потом внезапно оказываются геями. Например, ты не знаешь, что он гей, а он такой подкрадывается к тебе, и раз – он ГЕЙ!

– Не знала, что он гей.

– Ой, да точно, – говорю я ей. – Он однажды похвалил мои джинсы.

Кажется, Лия пытается осмыслить этот факт.

– Вдобавок к тому, что он с тобою флиртовал?

– Да, я же везунчик.

– Очевидно, да.

– Пошли, – говорю, увлекая ее вслед за собой.

– Мы же идем на встречу... – говорит она, показывая рукой в другую сторону.

– Мы и пойдем, но сначала немножко последим за Гейбом. До ресторана еще целых двадцать минут.

– Ладно, пошли.

Он успел уйти недалеко, просто вышел с лужайки на тротуар в направлении другого конца кампуса.

– Расскажи мне о Гейбе, – говорит она, пока мы идем. –

Он ходит со мной на курсы писательского мастерства.

– Писательского мастерства? Ой, успокойся, сердечко, – говорю я.

– Мило, правда?

Она берет меня под руку и наклоняется ближе.

– Еще как. Я думал, у него другой основной предмет, например, физкультура или что-то в этом роде. А еще он в команде по бейсболу, а может, уже нет? Неважно. Раньше я его часто видел, а потом, в прошлом семестре, он пропал, будто сквозь землю провалился, так что я его не видел почти год. И уже начал беспокоиться, что он окончил колледж, перевелся или его исключили.

– Не разговаривай так громко, – бурчит она, – а то он тебя услышит.

Она права, надо быть осмотрительнее.

– Я так им увлекся. Он для меня – идеальная загадка.

– Он – идеальная загадка почти для всех.

– О да. Мне нравится, что он такой. Ради одного этого стоит все как следует продумать.

Она понимающе кивает.

– Я ведь тебя так и не спросил, – говорю, неохотно меняя тему, но зная, что вопрос надо поднять, пока я о нем не забыл. – Как тебе твоя соседка по комнате?

– Она хорошая! Ее зовут Марибел. Очень веселая, но при этом не язвит. И у нее потрясающие волосы. Мне постоянно хочется их потрогать.

– У тебя тоже хорошие волосы, – замечаю, похлопывая ее по короткому прямому бобу-каре.

– Не как у Марибел.

– Это мы еще поглядим.

– Она хочет достать нам фальшивые удостоверения, – Лия морщит нос.

– Это ведь отлично. Сможем постоянно гулять вместе! Или, по крайней мере, ты сможешь выбираться со мной, когда мне в следующем месяце наконец исполнится двадцать один.

– А у тебя нет поддельного удостоверения?

Я пожимаю плечами.

– Я подумал, что оно того не стоит. В большинство клубов пускают с восемнадцати, а там я могу и не пить. И так как день рождения у меня в октябре, я все равно старше всех своих друзей.

Она улыбается.

– А теперь давай вернемся к делу. Никто толком не знает, где Гейб пропал. Друзья наверняка в курсе, но мне нравится представлять, что он был за границей или заботился об умирающем родственнике, что-нибудь такое, романтическое.

– Это разве не сюжет фильма *«Десять причин моей ненависти»*?

– Покойся с миром, Хит, – автоматически проговариваю я. – Но да, наверно, там какая-то заурядная причина: типа его родителям не хватило денег или его ненадолго куда-то

перевели и ему там не понравилось.

– Давай притворимся, что он был за границей.

Я обдумываю ее предложение:

– Но если бы он уезжал из страны, из этого не стали бы делать тайну.

– А вдруг это была не тайна, а что-то такое, чего не знаешь лично ты?

– Ну, в моем общежитии есть девушка, Морин, – ты еще с ней познакомишься, – так вот, она жила с ним на одном этаже, и хоть они не общались близко, она знает тех, кто с ним дружит, но они на вопрос, где он был, всегда отвечают уклончиво.

Лия смотрит с подозрением:

– Значит, его друзей напрямую спрашивают, где он был, а они не отвечают?

– Ну, не знаю, спрашивала ли Мо-Мо напрямую. Но вроде бы да.

– А вдруг он был в центре реабилитации? – говорит она.

– Он не похож на наркомана, хотя, раз был в бейсбольной команде, может, и сидел на стероидах.

– Или на анаболиках, или на «най-квиле».

– На реабилитацию из-за «най-квила» не кладут, это же сироп от кашля.

– Ты в курсе, что порой не понимаешь шуток и воспринимаешь глупости всерьез?

Я запрокидываю голову и смеюсь.

– А вдруг это был метамфетамин в кристаллах или сексуальная зависимость?! – говорю я театральным шепотом.

– Да ну тебя, Дэн. Если он хотя бы наполовину настолько загадочен, как ты говоришь, он, скорее всего, работает за границей тату-мастером у королевы Англии или что-то типа того.

– Напрашивается вопрос: какое тату набила бы себе королева Англии?

– Корги в короне, – отвечает она глазом не моргнув. – А какое тату набил бы себе Гейб?

Он идет впереди нас на несколько кварталов. Мы следуем за ним со скоростью ленивцев, пора бы уже повернуть, но его красная футболка еще виднеется вдалеке.

– Татуировку со словом «мама», – говорю я ухмыляясь.

– Точно, прямо на бицепсе.

– Ага.

– А ты уверен, что он гей? – спрашивает она с грустным видом.

– Вполне, – говорю я и чешу голову. – Мой гей-радар иногда ломается, но такое бывает нечасто.

Она улыбается.

– Тогда наша задача – свести вас вместе и выяснить, почему он в прошлом семестре так загадочно исчез.

– Да, согласен.

Мыжимаем друг другу руки, чтобы скрепить договор, и после этого идем за долларовыми такос в «Каса дель Соль».

Пэм (жена Инги)

– Прошло уже несколько недель с начала семестра. Я обязана знать: кто твоя парочка на этот раз? – спрашиваю, когда садимся ужинать в пятницу вечером. Мы редко едим вместе, но если это случается, то обязательно в пятницу вечером.

– Не верится, что я тебе до сих пор не рассказала, – говорит Инга, и глаза у нее загораются. – На этот раз у меня мальчик и девочка, Гейб и Лия. И они прелестные, поверь, так оно и есть.

– Ты так обо всех говоришь, – отвечаю я, откидываясь на спинку стула и потягивая вино. Она закатывает глаза:

– Они все прелестные, но эти двое – особенно. У меня такое чувство, что я нашла бы их где угодно, не только в группе.

– Ты и это раньше говорила.

– Да, знаю! Из них вышел бы прекрасный материал для книги. На днях она зачитывала в классе короткое сочинение, а он, по-моему, пускал на нее слюни.

– Может, он пришел от стоматолога.

– Зачем ты меня подначиваешь? – спрашивает она, глядя на меня. – У них намечается роман. Говорю тебе, быть такого не может, чтобы его у них не случилось. Между ними химия, ее нельзя не заметить. Даже не знаю, в чем тут дело, но приложу все силы, чтобы свести их вместе.

Я качаю головой, хоть и не могу сдержать улыбку. У моей

девочки страсть к сводничеству.

– Или, по крайней мере, заставляю их поговорить друг с другом.

– По очень крайней мере, – соглашаюсь, дразня ее. Она пропускает мою реплику мимо ушей и продолжает:

– Они почти каждую пару сидят рядом. Иногда между ними садится Виктор, – говорит она, соорудив мину.

– Будь ты проклят, Виктор! – говорю, потрясая кулаками. – Что за Виктор?

– Из тех, кому приходится добирать предмет по необходимости.

– А, из этих.

– У него хватило наглости прийти ко мне в кабинет в рабочие часы и попросить внести поправки в расписание курса в пользу его личного графика. Так хотелось ему вмазать.

– Вечно находится такой.

– Он напоминает мне индуса из «Дрянных девчонок»...

– Кевина Гнапора, – тут же подхватываю я.

– Да! Только страшнее, потому что ему не нравится мой предмет. Я волнуюсь, как бы он чего не поджег. Он как сточный колодец посреди моего оазиса писательского мастерства.

– Знаю таких людей.

– Так вот, иногда они садятся рядом. Когда один из них смотрит на другого, он будто вот-вот что-то скажет, а потом берет и отворачивается, как только другой чувствует, что на

него смотрят, и поднимает голову.

– А, проблема правильного выбора момента.

– Это как раз хуже всего. Но Гейб и Лия влюбятся друг в друга, попомни мои слова, – говорит она, стуча пальцем по столу, чтобы поставить точку в своем утверждении.

– Запомнила.

Несколько минут мы молча едим.

– Ну а что нового в мире астрофизики? – спрашивает она.

– Мы женаты уже пять лет, а ты до сих пор не имеешь представления о том, чем я занимаюсь весь день.

– Нет, не имею.

Октябрь

Шарлотта (бариста)

Я оказалась в богопротивной утренней смене одна – это худшее, что случилось со мной за все время работы в «Старбакс». А все из-за нового менеджера: по-моему, она не понимает, что меня всегда надо ставить в смену с Табитой или Китом. Они меня сдерживают и не дают душить покупателей.

Вы только посмотрите, кто к нам забрел – неудачник Гейб. Есть такое интересное и страшное явление при работе в «Старбакс»: запоминаешь имена постоянных клиентов. И, к сожалению, они запоминают тебя. Гейб начал приходить сюда давно, хотя в прошлом году он являлся редко. Я по нему почти соскучилась, но вот он вернулся и теперь выглядит еще более ненормальным, чем раньше. Прямо сейчас он даже разговаривает сам с собой.

Табите с Китом нравится представлять, будто Гейб особенный, не такой, как все, что он самый очаровательный, застенчивый и чудесный парень на планете. Лично я считаю, что они чокнулись. Думаю, он абсолютно невменяем, хуже не бывает.

– Привет, – говорю я, когда Гейб подходит к стойке, и безуспешно стараюсь натянуть фирменную улыбку сотрудника

«Старбакс».

Он не отвечает, продолжая буравить взглядом собственные ботинки.

– Привет!

Ничего.

– Йоу! Приятель! – я бросаю взгляд на стойку, думая, чем бы в него кинуть.

Девушка в очереди толкает его локтем, и Гейб поднимает голову.

– Простите, – бормочет он.

– Ничего, – отвечаю я, хотя сама думаю иначе. – Что вам принести?

– Большой кофе, и оставьте место для молока.

– «Суматру» или «пайк плейс»?

Обычно я ему наливаю «пайк плейс», но Гейб иногда их путает.

Он взирает на меня, словно я что-то сказала на иностранном языке, хотя сам вопрос вполне обычный и понятный.

– «Суматру» или «пайк плейс»? – я едва не кричу. Как же все это глупо.

Он пялится на мои губы и как-то странно вздрагивает, одновременно пожимая плечами.

– Не пойму, о чем вы говорите.

Я показываю на кофейники за спиной с подписями «суматра» и «пайк плейс».

– А, «суматра» подойдет, – говорит он. Мне немножко

стыдно: щеки у него пылают таким цветом, какой видишь только на коричневых конфетках. Он хлопает глазами и протягивает подарочную карту.

В жизни не пойму, с чего вдруг Табита в него втюрилась. Могла бы выбрать кого получше, думаю, протягивая ему кофе.

– Спасибо, – бормочет он, зарывая руки в карманы и кидая пару монет в банку с чаевыми. Я борюсь с желанием рассыпаться в благодарностях за семь центов. Дождусь Табиту с Китом и расскажу им, что он сегодня отчебучил.

Виктор (сокурсник по писательскому мастерству)

Что ужасное я совершил в прошлой жизни, что меня так наказывают в теперешней?

Почему Йети и Жирафиха вечно садятся возле меня? Клянусь, я каждую пару меняю место и все равно в итоге оказываюсь возле этих двух дурачков или между ними. Своим видом я им никак не намекаю сесть рядом, тут уж точно сомнений нет.

Меня задолбало держать свечку при их странных брачных ритуалах. Поговорите наконец друг с другом! Вы уже учитесь в универе! Хватит стесняться и строить из себя милашек. И в слово «милашки» я вкладываю далеко не положительный смысл. Они приторные и даже, я бы сказал, чуть жалкие.

Интересно, как поступит Йети, если я приглашу ее на сви-

дание прямо у него на глазах. Может, возьмет и наступит на меня своей лапищей или даже двумя.

– Виктор!

От мыслей меня отвлекает Инга. Она думает, что круто смотрится в хипстерских очках, коротких кардиганах и со светлыми взъерошенными волосами.

– Да?

– Твоя очередь делиться идеей рассказа.

Пора придумать новый, нестандартный способ слинять с пары. Вот какая у меня идея рассказа.

Инга (преподаватель писательского мастерства)

Очередная студентка выходит из моего кабинета, и я с радостью замечаю, что в коридоре меня ждут Гейб и Лия. Когда они заглядывают в открытую дверь, даже поднимаю указательный палец: «подождите секундочку», – просто чтобы они чуть дольше постояли вдвоем.

Закрываю дверь и стучу пальцами по столу, наострив уши на случай, если они решатся заговорить друг с другом.

Считаю до тридцати.

Понимаю, насколько это непрофессионально, и все равно не могу удержаться.

Еще раз считаю до тридцати.

Из коридора до сих пор не слышно ни слова. Я вздыхаю и открываю дверь.

– Кто следующий? – спрашиваю и понимаю, что улыбаюсь

слишком широко.

– Дамы вперед, – говорит Гейб. На секунду мы втроем удивляемся его галантности. Он неуклюже прислоняется к стенке и отворачивается.

– Ладно, Лия, – говорю я, – заходи.

Мы несколько минут болтаем. Я ей рассказываю, как меня впечатлило направление, которое она выбрала для недавнего рассказа. Она расправляет плечи и улыбается моей похвале.

– Спасибо, не знала, получится ли у меня выполнить задание. Мне кажется, я... Честно говоря, иногда я чувствую себя здесь слишком юной.

– Ты первокурсница?

– Да.

– У меня было много первокурсников, у которых получалось писать лучше, чем у старшекурсников. Вряд ли возраст тесно связан с писательством. Конечно, со временем писательский навык становится лучше, но нижнего возрастного порога у него нет.

– Приятно слышать от вас такое.

– Ты уже завела друзей в группе? – спрашиваю, направляя наш разговор в нужное русло и подбираясь ближе к своим личным интересам.

Она морщит нос и смотрит на дверь.

– Еще нет. Там стоит Гейб. Он милый, но я не знаю, ищет ли он друзей.

Я киваю и улыбаюсь, крепко сжав губы, чтобы не выдать

неуместную фразу вроде «Я так и знала!»

Набираю в грудь побольше воздуха:

– Что ж, всегда полезно иметь партнера-критика. Скоро мы будем обсуждать этот вопрос подробнее.

– Хорошо, – говорит она, вставая.

– Это все? Не хочешь обсудить что-нибудь конкретное?

– Нет, мне просто хотелось узнать, правильно ли я понимаю курс, а вы мне это довольно быстро объяснили, спасибо.

– Превосходно. – И тут на меня нисходит озарение. – Можешь позвать сюда Гейба?

Теперь у нее не будет выбора, придется с ним говорить. Она открывает дверь и молча, жестом приглашает его в кабинет. Полагаю, она ему, по крайней мере, улыбнулась. Эти две неразговорчивые натуры доведут меня до смерти.

Он бухается на стул напротив меня и сразу, без приветствия начинает говорить, как будто репетировал слова много раз. Будто он взорвется, если не выскажется.

– Мне тяжело дается краткость, слов всегда выходит слишком много, – быстро объясняется он, вытирая ладони о джинсы.

– Это не беда, – замечаю, медленно проговаривая слова в надежде немного его успокоить.

– А как же короткие рассказы со строгими ограничениями?

– Понимаешь, когда я даю задание написать рассказ на две тысячи слов, старайся не растекаться на все пять тысяч,

но если возникнут трудности, ты всегда можешь подойти ко мне, и мы вместе поработаем над формулировками, – предлагаю я. – У писателей удивительным образом получается уменьшать количество слов за счет точных выражений и сокращения ненужных описаний.

Он кивает и улыбается.

– Есть еще вопросы?

– Не столько вопрос, сколько опасение. Мне ведь придется зачитывать задание перед аудиторией, верно?

– Да. И, скорее всего, не одно.

– А отказаться нельзя?

Я сочувственно улыбаюсь, но качаю головой.

– У меня ощущение, что в итоге мне придется редактировать самого себя, потому что, не знаю, делясь рассказом с аудиторией, я чувствую себя...

– Беззащитным? – предполагаю я. Мне часто на это жалуются.

– Ага, – говорит он со вздохом, его уши краснеют.

– А вот тут уже сложнее. Я не собираюсь советовать отстраниться от ощущений или попробовать их забыть, но на этом курсе необязательно писать о том, что вызывает подъем чувств. Если понимаешь, что показывать написанное не хочешь ни под каким предлогом, подойди к Коулу или ко мне, мы тебе с радостью поможем, и баллы ты не потеряешь.

– Хорошо, – говорит он, кивая.

– Это все?

– Да.

– Боже, студенты с каждым годом упрощают себе жизнь.

– Может, мне что-нибудь придумать?

– Нет, и пойду-ка я сегодня домой пораньше.

– Спасибо за помощь, – говорит он, встает и с улыбкой выскальзывает за дверь.

Я снова сажусь в офисное кресло и кручусь на нем. Сделано немного, но сегодня, по крайней мере, дело сдвинулось с мертвой точки.

Сэм (брат Гейба)

Девушка с курса Гейба по писательскому мастерству бродит у библиотечных полок с крайне потерянным видом. Точнее, это девушка с писательского мастерства, в которую Гейб втюрился.

– Привет, – говорю я, когда она проходит третий-четвертый раз вокруг шкафов.

– Привет, – выдыхает она, переводя взгляд с меня на указатель полки и обратно.

– Нужна помощь?

– Ты здесь работаешь?

– Да.

– Тогда конечно. Может, ты мне поможешь.

Она показывает мне листок блокнота.

– Ты поднялась на уровень выше нужного, – говорю я, отталкивая с прохода тележку с книгами, которые надо расста-

вить по местам, и веду ее к заднему лестничному пролету, на этаж ниже, к нужной секции.

– Большое спасибо, – говорит она, достает с полки книгу и прижимает к груди.

– Нет проблем. Я – Сэм, – говорю, протягивая руку.

– Лия, – отвечает она. Пожатие у нее достаточное крепкое. Я впечатлен.

– Ты ведь знаешь моего брата Гейба, да?

Она поднимает взгляд с книги на меня.

– Что? Нет. Я имею в виду... – она делает паузу, видимо, засмутившись. Вот уж точно, они с Гей-бом – пара, созданная на небесах. – Мы с ним посещаем один предмет, но я его не знаю. «Не знаю» не в том смысле, что «незнакомая». Просто мы не... мы с ним не дружим.

Я киваю, стараясь не очень улыбаться, хотя еле сдерживаю смех, и говорю:

– Я передам ему твои слова.

– Нет! – восклицает она.

– Я пошутил, – обещаю я и кладу ладонь ей на руку.

– Еще раз спасибо, – говорит она, обнимая книги, и отходит.

Наблюдаю, как она уходит, и остаток смены думаю, как бы свести этих двух сумасшедших. Так время течет быстрее.

Белка!

Самое замечательное в это время года – желуди. Они вкус-

ные и восхитительные, это лучшая еда в мире. Если вы не едите желудей, то многое упускаете. Я всем друзьям рассказываю, какие желуди удивительные, а они иногда глядят на меня как на чокнутую. Но с ума я схожу только по желудям.

Вижу мальчика и девочку. Эта девочка как-то дала мне арахис, и она часто наблюдает за мальчиком. Он тоже на нее смотрит. Правда, они всегда смотрят друг на друга в разное время, по очереди. Но сегодня они успевают поймать взгляды друг друга и улыбаются так широко, что кажется, будто смеются.

Думаю, они смеются.

Надеюсь, им нравятся желуди. Можно было бы запустить ими в них. Нет, плохая мысль. Не хочу тратить желуди. Не хочу делиться. Хотите, зовите меня плохой белкой, но я не люблю делиться желудями.

А может, я от этого становлюсь хорошей белкой, совершенной белкой, настоящим идеалом белки.

Хиллари (сокурсница по писательскому мастерству)

– Мы начинаем первое долгосрочное задание по критике, – заявляет Зовите-Меня-Инга в один дождливый октябрьский день.

Она так волнуется, будто это лучшее событие со времен изобретения наборного шрифта, или чем там еще восхищаются профессора литературы.

– Напишем несколько простых рассказов на тысячу слов,

чуть больше или меньше, а затем в течение нескольких недель будем читать их партнеру.

У обоих будет шанс непосредственно увидеть, как работает над заданиями другой человек. Потом поменяетесь ролями. Считаю, это очень важно: учиться друг у друга.

Я выпрямляюсь, поднимаю руку и говорю, не дожидаясь, пока меня назовут:

– На какие темы будем писать?

– На простые, например, можно начать с яркого детского воспоминания: грустного, счастливого, смешного. Только придерживайтесь рамок в тысячу слов. Необязательно писать об очень личном. Если кажется, что тема вам неприятна, зайдите ко мне в рабочее время. Не стоит раскрывать мне все детали, но мы что-нибудь придумаем.

По правде говоря, именно это я в Зовите-Меня-Инга уважаю, хотя она бывает той еще штучкой. Она трезво подходит к тем затруднениям, которые могли бы возникнуть у людей при выборе тем. Например, вдруг со мной грубо обращались в детстве и все детские воспоминания связаны с этим? Но мне кажется, если у тебя такие проблемы, то тебе не до колледжа и писательского мастерства. Ты, скорее всего, сидишь в тюрьме и делаешь брагу.

Такие мысли точно лучше оставить при себе.

И думать о браге тоже не стоит. Однажды мы с соседкой по комнате приготовили огромное количество пунша в пластмассовом баке и высыпали туда виноградный «кул-

эйд». Все парни сказали, что он походил на брагу. Вот откуда сынкам богатых родителей знать, как она выглядит?

– Еще вопросы? – спрашивает Зовите-Меня-Инга. Наверно, я забылась, пока думала о браге.

– Партнера можно выбирать самим?

– Конечно. Это ведь не детский сад. – Улыбается она, словно выдала суперумную мысль. И снова перестает мне нравиться, хотя я ее уважаю.

Провожу рукой по волосам и оглядываю аудиторию. Насчетное число – это хорошо. Но не хочу в итоге остаться с занудой Виктором. Я весь семестр поглядывала на милашку Гейба. Склоняюсь к пустому стулу между нами. Он похож на парня на мотоцикле, с которым встречалась моя сестра. Тот был сексуальным. Ей, однако, не хватило мозгов удержать его.

– Гейб! – окликаю его, словно мы с ним старые друзья.

Он не отвечает.

Я комкаю кусок бумаги и кидаю в него. Он подпрыгивает и смотрит на меня. Я самым соблазнительным образом маню его пальчиком, показывая «иди сюда, стань моим партнером по писательскому мастерству». Он поднимает брови.

– Давай работать вместе, – говорю, кладя подбородок на руку. Я едва не выхожу из себя: приходится тратить лучшие уловки на недотепу. Хотя вряд ли можно его так назвать. Он особенно мил, когда небрит, и смущается, если приходится говорить перед группой. Носил бы он обувь покруче. Мо-

жет, пока мы будем работать над заданием, у меня получится приучить его к другой обуви. Он вечно носит слипоны, я ни разу не видела его в обуви со шнурками. И на вид они всегда дешевые. Ну, хотя бы не кроксы.

– Ну? – подгоняю я.

– А-а-а, – он отводит взгляд, – ну, можно.

Поворачивается ко мне и кивает.

Есть!

Мы сдвигаем стулья.

– Пока мы не начали, я должна кое о чем тебя спросить.

Ты итальянец? Люблю итальянцев.

– Гм, я по большей части португалец и валлиец.

– Из Южной Америки? Даже лучше.

Он странно на меня смотрит.

– Ты ведь знаешь, что Португалия находится не в Южной Америке, правда?

– Ну, конечно, дурачок, – говорю, касаясь его руки. – Я просто пошутила!

Черт, а где эта Португалия?

Инга (преподаватель писательского мастерства)

Я заканчиваю раздавать задания и наблюдаю, как Лия делает заметку, а Гейб глядит ей в затылок. Самое время им подружиться. Надеюсь, у них не было трудного детства. Мне кажется, нет лучше задания для того, чтобы моя пара семестра прониклась симпатией друг к другу. Разговоры о детских

воспоминаниях всегда сближают.

А часики Гейба и Лии уже тикают. Я пока даже не видела, как они разговаривают. Они подолгу мечтательно глядят друг на друга, так что равнодушия между ними явно нет. Они словно создали тайное общество взаимного восхищения, и пришла пора поделиться им друг с другом.

Лия поднимает взгляд от блокнота и улыбается мне. Но мы одновременно замечаем, как Гейб разговаривает с Хиллари.

Чтоб тебя, Хиллари!

Тебе совершенно не рады в тайном обществе взаимного восхищения. Кажется, словно все мои надежды и мечты о любви Гейба и Лии вылетают в окошко с каждым взмахом длинных, подцвеченных пепельно-каштановых волос Хиллари. Я знаю, что под дорогими оттенками пепельного и медового скрывается ее родной мышиный цвет. Не то чтобы я считала, что Гейб из тех парней, кого впечатляет откидывание волос, но я мало его знаю, а следовательно, не могу выделить ему кредит доверия.

Я так громко вздыхаю, что чувствую, как это замечает половина первого ряда, поэтому, вместо того чтобы свернуть шею Хиллари, улыбаюсь и на секунду отворачиваюсь, возвращая самообладание. Пэм это не понравится. Отчасти потому, что мое состояние подчеркивает, насколько эмоционально я вовлечена в эти недоотношения.

Снова поворачиваюсь, чтобы проверить, как там Лия:

у нее все хорошо. Кажется, ее зовет работать соседка по парте. Но ведь я хотела, чтобы Гейб и Лия влюбились, беседуя о его десятом дне рождения, или чтобы она рассказала, как строила самую лучшую крепость из лоскутного одеяла, сшитого для нее бабушкой, или как у Лии застряла голова между прутьями стула, как Гейб упал с крыши, потому что старшая сестра ему сказала, что он сможет полететь. Именно такие истории и связывают людей. Все это – примеры эссе, которые студенты писали в прошлом.

А теперь этого никогда не случится из-за Хиллари.

Не знала, что так сильно возненавижу это имя. Я киплю почти от такой же ярости, какую Виктор источает на занятиях каждый день.

С пониманием гляжу на Лию, а она привычно улыбается в ответ. Я с Хиллари еще не закончила. Она разбудила во мне зверя.

Сэм (брат Гейба)

Я уже выхожу из студенческого центра, как замечаю, что в дальнем уголке, за лестницей, почти невидимый, прячется Гейб. Мама надоедает мне тем, чтобы я за ним приглядывал, хоть я и говорю, что у него все нормально. Сажусь напротив.

– Я и не замечал, что здесь есть сиденья.

Он, кажется, меня не видит. Я стучу по столу – он вздрагивает, вытаскивает наушники и глядит на меня.

– Привет, – говорит он, – я тебя не слышал.

– Ну надо же. Говорю, что даже не знал, что ты здесь сидишь.

Он оглядывается, как будто сам не знает, где сидит:

– Должно быть, эти скамейки поставили недавно, но мне нравится, что они в стороне.

Я киваю.

– Как дела?

– Хорошо.

– Чем занимаешься?

– Договорился встретиться с девушкой с писательского мастерства, она будет моим критиком.

– Будешь работать с той цыпочкой, Лией?

– Не-а, с самой приставучей девчонкой в мире. Хотел бы я, чтобы это была Лия.

Я ему верю: он такую мину скорчил. Как назло, во мне поднимает свою уродливую голову старший брат.

– Так она тебе действительно нравится!

Он закатывает глаза.

– Ты с ней уже говорил?

– Нет.

– А я с ней недавно разговаривал.

Мои слова заставляют его насторожиться.

– Что? Что ты ей наговорил, Сэм?

– Ничего, клянусь! – Поднимаю руки в знак капитуляции.

Он на меня пристально смотрит:

– Клянешься, что не повел себя как засранец?

– Клянусь.

– Не верю.

– Ну и ладно.

Мы зашли в тупик, но я все равно решаю продолжить:

– Поговори с ней. Она симпатичная.

Он пожимает плечами.

– Ну ты что, почему нет?

– Сам знаешь, почему, – говорит он. Я и на самом деле знаю, но такие причины считаю глупыми, и мне так думать позволительно, потому что я его брат.

– Давай поговорим о чем-нибудь другом, о чем угодно, – предлагает Гейб.

– Как тебе жизнь куратора академической резиденции, или какой там абракадаброй называется твоя должность?

– Нелегко. На днях пришла девушка и увидела, как я плачу над ее заданием по математическому анализу. Я никогда им не занимался, мне хватало алгебры и начал анализа. Поэтому я не смог ей дать никакого совета.

– Тяжело.

– Да уж. Мне жаль ребят, у них ведь поначалу, кроме меня, никого нет, понимаешь? Если бы я не потерял стипендии, им назначили бы кого-нибудь более полезного.

– Универ не назначил бы тебя на эту должность, если бы ты был бесполезным.

– А я вот уверен, что меня назначили из жалости.

– Все равно, – говорю, стараясь за что-нибудь ухватить-

ся, за что угодно, чтобы вытянуть его из спирали жалости к себе, которая уже начинает его затягивать. – Тебе выделили отдельную комнату.

Тут он захихикал.

– Что правда, то правда.

– Отдельная комната – это потрясающе.

Он поднимает брови.

– Я три долгих года терпел ночной пердеж Кейси.

Гейб смеется.

– Не хочешь проводить меня до столовой? – спрашиваю, понимая, что сто лет не ел, а дома еды нет.

– Не-а, мне еще надо встретиться с приставучей девчонкой, забыл?

– А, точно. И как же вышло, что ты оказался с ней в паре?

Он морщит нос.

– Она попросила работать с ней, а я не знал, как отказать. Я был в таком шоке, что меня попросила не Лия, что впал в какой-то ступор.

– И чем же она тебя раздражает?

– Ну, во-первых, она считает, что Португалия находится в Южной Америке.

Я качаю головой и смеюсь:

– Тяжелый случай, брат.

– Жизнь порой – штука тяжелая, – говорит он словно умудренный жизнью старик.

– Да, но... – Я останавливаюсь и гляжу на него, раскидан-

ные по столу книги, складку сосредоточенности на лбу, – не настолько, как ты считаешь. Знаю, ты не любишь, когда я так говорю, может... Я просто писаю против ветра. Не хочу ссориться. Позволяй иногда людям помогать тебе.

Он глядит на меня – на секунду мне кажется, что он вот-вот заплачет.

– Знаю, – выговаривает он наконец.

– Хорошо, что знаешь.

– Правда знаю. Потому и решил ходить к психотерапевту.

– Молодец, – говорю, немного удивившись. Но понимаю, что его на это подбили родители. Не успев увековечить памятный момент, ловлю взгляд девушки с очень широкой и явно фальшивой улыбкой.

– Я так понимаю, это твоя партнерша, – говорю, мотнув в ее сторону подбородком.

– Да, – говорит он, опуская плечи, – как это ни печально.

Я тут же убегаю, едва взмахнув рукой над плечом. Я не в настроении знакомиться с самой приставучей девчонкой в мире.

Фрэнк (доставщик китайской еды)

С заказами что-то не так. Два человека из двух разных комнат одного общежития сделали два совершенно одинаковых заказа. Приходится остановиться, чтобы позвонить Лин и уточнить: она вечно путается. Больше нельзя ставить ее в смену вечером по воскресеньям, это точно.

Я сам обзваниваю обе комнаты. Может, тот человек, чей заказ неверно поняли, заберет его. По крайней мере, он будет знать, что я здесь и заказ в пути. Ненавижу разворачиваться и ехать обратно в ресторан, но это тоже часть моей работы.

Стою в холле и жду уже лет сто, пытаюсь не выглядеть во-ришкой. У меня разрывается телефон. Такое ощущение, что сегодня все решили отдохнуть, а у меня завтра в девять лабораторная работа, и завалить ее никак нельзя. У меня по предмету «отлично», не хочется испортить баллы.

Наконец двери обоих лифтов открываются, из одного выходит девушка, из другого – парень.

– Доставка? – спрашиваю я, беря в руки сумки.

Они подходят и моргают друг на друга.

– Может быть такое, что вы заказали одинаковую еду?

– Лапша с кунжутом и курицей, на гарнир жареные клецки? – спрашивает девушка, переводя взгляд с меня на парня.

– Да, – говорит паренек так тихо, что больше похоже на вздох.

– Серьезно? – спрашиваю.

Он кивает, а она улыбается.

– И вы не вместе? – продолжаю смущенно. – Раньше никогда такого не случалось. Может, в этом нет ничего особенного, но я уже шесть лет работаю доставщиком в семейном ресторане и клянусь вам: такого не бывало никогда.

– Нет, – говорит девушка. Наверно, она сегодня неразговорчива. – Не вместе. Но я рада, что у нас получилось побить

ваш статистический рекорд.

– Круто. Просто хочу сказать, что вы могли бы заказать большую порцию клецков за меньшие деньги и получить при этом больше штук.

На это они оба улыбаются.

– Клецки лишними не бывают, – говорит девушка.

Я отдаю им заказы, они расплачиваются и оставляют мне приличные чаевые. Уходя, я оглядываюсь через плечо – они смотрят друг на друга, дожидаясь лифта.

Марибел (соседка Лии по комнате)

Вечером в воскресенье, проведя все выходные у родителей, возвращаюсь в общежитие, и на меня практически набрасывается Лия.

– Я тоже по тебе скучала, – говорю. Руки теперь заняты не только выстиранным бельем, но и Лией.

– Случилось непоправимое.

– Что? Господи, что случилось? – Готовлюсь к ужасным новостям, стараюсь прокрутить в голове, что могло пойти не так.

– Гейб теперь живет здесь!

– А что в этом плохого?

– Ничего, но я ведь этого не знала. Все время жил! И как я не заметила? Мы ведь выходим на одной остановке. Но я бы и не подумала, что он обитает в этом корпусе. Я догадывалась, что где-то неподалеку.

– Ты же понимаешь, что ничего ужасного тут нет? Жить рядом с предметом обожания не так уж плохо.

– Ужасно не это.

Я вздыхаю и скидываю белье на кровать. Она бросается на свою кровать, а я начинаю убирать вещи.

– Скажи, что тебя тревожит, – говорю я.

– Так вот, я заказала китайскую еду, – начинает Лия.

– А мне оставила?

– В мини-холодильнике остались клецки.

– Вкуснотища.

Она закатывает глаза.

– Приехал доставщик, позвонил мне, и вот какое совпадение: когда я спустилась в холл, из другого лифта вышел Гейб собственной персоной.

– Поразительно.

– Я тоже так подумала, – соглашается она. – Конечно, он так ничего и не сказал, пока доставщик объяснял, что мы заказали одинаковую еду и что раньше такого не случалось. А потом он спросил, вместе ли мы, я даже засмушалась.

Я делаю рукой жест «так себе».

– А потом стало еще хуже.

– Как так?

– Мы вместе ждали лифт и даже смотрели друг на друга, по крайней мере, периодически поглядывали. Я пыталась придумать какую-нибудь тему для разговора...

– Надо было сказать, как тебе понравилось его эссе на про-

шлой неделе.

– Да, так бы и сделал нормальный человек.

– О нет. А что сделал ненормальный человек?

– Я, дурочка, посмотрела ему в глаза и сказала: «Как китаянка говорю: ты отлично разбираешься в китайской еде».

– Могло быть и хуже, – говорю я.

– Ты бы хоть кому-нибудь как мексиканка сказала, что другой человек отлично разбирается в мексиканской еде?

– Ну... если ставить вопрос так...

Она натягивает на голову капюшон от толстовки и затягивает тесемки, оставляя снаружи только нос.

– Лия, я просто тебя дразню. Все не так уж плохо, – говорю, садясь рядом с нею на кровать. – А он что ответил?

Она ослабляет завязки, чтобы можно было говорить:

– Он просто стоял и глядел на меня, то открывал рот, то закрывал.

– Конечно, лучше было бы похвалить его эссе, но ведь еще не все потеряно. Подумаешь, странно выразилась.

– У меня впервые хватило смелости заговорить с ним, а я взяла и ляпнула! Не нравится мне это. Я бы так никогда не сказала.

– Надо было похвалить эссе, а потом пригласить его вместе поесть.

– Вот почему в такие моменты рядом нет тебя с наставлениями? Почему ты оставляешь меня барахтаться в этом мире в одиночестве?

– У меня нет ответов на эти вопросы.

Она щурится, глядя куда-то вдаль:

– Честно говоря, предложи я ему поесть вместе, это бы плохо закончилось. Не смогла бы рядом с ним вести себя спокойно. В итоге начала бы ему рассказывать о своем семейном древе и что у слова «дно» множественное число – «донья».

– Может, он бы это оценил, – говорю, поглаживая ее по спине.

– Просто мне не надо забывать, что еще есть шанс и необязательно вести себя с ним невозможно.

– Ни в коем случае не забывай.

Она снова затягивает капюшон и качает головой.

Шарлотта (бариста)

– Наш лапочка Гейб не забегал на днях? – спрашивает Табита во время затишья. Видно, что ей хочется посплетничать. У меня нет настроения работать, но не знаю, хватит ли меня на разговоры о Гейбе. Она настаивает:

– Я видела его пару раз, но мне этого мало. И подумала, что можно косвенно почувствовать его через тебя.

– Хватит нести ерунду.

– Но он ведь такой милый!

– Мне кажется, с ним что-то не так, – говорю. Не хочется говорить о нем плохое, ведь Табита – человек добрый. Такие люди встречаются редко, и уж тем более – в «Старбакс», но

не хочу подавать ей ложную надежду.

– Не может быть! Он такой чудесный.

– Он заходил недели две назад, но вел себя настолько неадекватно, что я подумала: он серьезно накачался наркотиками.

Она пожимает плечами:

– Я не осуждаю наркоманию.

– Было десять утра.

– Может, он просто был сонный.

– Мне раз сорок пришлось его спросить, какой объем кофе ему нужен.

– Перестань бубнить.

– Каждый божий раз, когда приходит, он не может ответить на простейшие вопросы. Прошлый раз он не знал, «суматру» ему надо или «пайк плейс», а до этого – греть выпечку или нет. Надо перестать задавать ему вопросы.

– Просто он неразговорчив. В последнее время я его видела несколько раз, когда здесь была и девушка, Лия. Они всегда стесняются, когда друг друга видят, и чуть-чуть улыбаются. Мы словно наблюдаем, как перед нами расцветает новая любовь.

– Ты что-то слишком засиделась со своими кошками.

– А ты часто стала вести себя как последняя сволочь, – отрезает она.

Я изображаю оскорбленную невинность и кидаю в нее полотенце для паровой трубки.

– Фу, – говорит она, – не надо кидать в меня тряпку с засохшим молоком.

– А вот не надо болтать ерунду о любви между наркоманом и какой-то случайной телкой.

– Я их однозначно шипперю, – говорит Таби, подперев подбородок рукой и уставившись на дверь, словно желая, чтобы они вошли вдвоем.

– Не буду даже спрашивать, – ворчу.

– Например, ты хочешь, чтобы персонажи в сериале были вместе. И ты их шипперишь, хочешь, чтобы у них начались отношения и они жили долго и счастливо.

– Я думала, что ты его шипперишь с собой.

– Ну, естественно, в идеале. Но, насколько понимаю, он влюблен в Лию. Поэтому, если мы не можем обрести счастье вместе, я непременно хочу, чтобы он был счастлив с ней.

– Ладно, Таб, скажи мне честно: ты что, пишешь фанфик о посетителях «Старбакс»?

Она кидает тряпку обратно. Над дверью звенит колокольчик, и мы обе оборачиваемся на звук. Это не Гейб и не Лия.

– Может, стоит начать, – отвечает она с улыбкой. Я закатываю глаза. – Просто они мне нравятся. Нравится, как он на нее смотрит и как она смотрит на него. Мне кажется, у них были бы красивые детишки.

– Ой, Таб, – говорю, качая головой.

– Мне нравится думать, что мы наблюдаем за их жизнями, а они об этом не догадываются. Знаю, может показаться,

что мы за ними подглядываем, что это ненормально и убого, но мне от этого приятно. Сейчас у меня в жизни мало радости, так что дай мне наконец порадоваться, что посетители «Стар-бакс» влюбились друг в друга!

– Ужасно, что тебе придется узнать такое от меня, – говорю я, – но вчера я его видела с какой-то телкой с ужасно неестественными, обесцвеченными прядями.

– И ты решила рассказать только сейчас?

– Я только сейчас вспомнила!

– Ну, это предсказуемо, – говорит она и мрачнеет.

– Может, это не то, о чем мы думаем? Вдруг они родственники, – говорю. Честно, не понимаю, зачем защищаю этого недоумка.

Становится людно, и мы теряем нить разговора, но, надо признаться, я периодически думаю о Гейбе с Лией до конца дня.

Дэнни (друг Лии)

Я наблюдаю, как она с друзьями идет по улице от остановки. Сейчас Хеллоуин, и я еле узнал ее с зачесанными и завитыми волосами.

– Азалия! – зову я и быстро шагаю навстречу.

– Дэнни! – кричит она, поднимая руки и слегка пританцовывая.

– Ты точно родом из восьмидесятых, – говорю я.

– Точнее не бывает!

– Да ты ПЬЯНА!

– Только капельку, выпили по рюмашке перед выходом, – говорит она и кивает. – Марибел пообещала, что будет весело, и нам весело!

– Привет, Марибел, я Дэнни, – говорю и пожимаю ей руку.

– Привет.

– О! А это Бьянка, она живет на нашем этаже, – говорит Лия, подпрыгивая на носочках.

– Куда идете? – спрашиваю.

– Марибел ходила в старшую школу с парнем, который живет в доме баскетболистов, ну, или там, где их просто много, – отвечает Бьянка.

– О! Спорим, там живет брат Гейба? – говорю, хлопая в ладоши.

– А, ты про парня, в которого как дура влюбилась Лия? – спрашивает Бьянка. Лия одаривает ее взглядом, способным убить на месте.

– Ты как дура влюбилась в Гейба? – спрашиваю, приподнимая бровь.

Она пожимает плечами:

– Ну, может быть, чуточку.

– Он красавчик, – говорю.

– Да. Но ты прав: он, скорее всего, гей, – говорит Лия, с грустью качая головой.

– Ну, не расстраивайся, цветочек. Он очень милый. С ним стоит хотя бы дружить, если другого не светит, – говорю. Ме-

ня зовут друзья. — Мне пора. Давайте завтра встретимся в столовой? Я напишу тебе в обед.

— Да, конечно! — приходит в восторг Лия.

— Круто, круто.

Я машу им рукой через плечо и перехожу улицу.

Кейси (друг Гейба)

Я люблю соседей по дому, правда люблю, но в такие вечера жалею, что мы с Сэмом в этом году не сняли отдельную квартиру: не пришлось бы сидеть на Хеллоуин в доме, полном знакомых и приятелей наших друзей. С ними весело, но мне почему-то не по себе, особенно от изобилия масок в этом году. Не припомню на вечеринках столько людей в масках.

Гейб приходит около одиннадцати. Я ему сказал, что он может привести с собой кого захочет, но, кажется, он растерял всех друзей.

— Что в сумке? — спрашиваю, когда он входит.

— Скорее всего, я здесь сегодня вырублюсь, — говорит он. — Сэм сказал, что он не против...

— Конечно!

Он бежит наверх, а я жду, пока он вернется, чтобы потом сходить за новым пивом. Когда он возвращается, говорю:

— Я думал, ты придешь раньше.

— Я решил вздремнуть, а в итоге проспал пять часов, — отвечает он, пожимая плечами.

– Что за ерунда у тебя в руках?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.